

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

СЕГОДНЯ Ф. Г. Раневской исполняется 70 лет. Поздравляя ее, друзья, наверное, станут уверять Фаину Григорьевну, что 70 — это совсем еще немного. Такова традиция. Традиция юбилеев. В эти дни человеку говорят только приятное, отчего лично я всегда скептически отношусь к юбилеям. Но в данном случае мы имеем дело с исключением. И именно поэтому, очевидно, не следует уверять Раневскую в том, что 70 — совсем еще немного. Много, очень много! Особенно, если вспомнить, что за эти годы сделано...

С ТЕХ ПОР, как театр стабилизировался и актеры перестали путешествовать из Керчи в Вологду и обратно, большинство из них навсегда связало свою жизнь с каким-то одним театральным коллективом. Радости и печали у них стали общие. Их личная судьба оказалась в полной зависимости от судьбы театра.

Но есть и другая категория актеров. Она, правда, менее распространенная в наши дни: не каждый стремится к вечным скитаниям, к постоянному риску. И все-таки есть у нас (слава богу!) актеры, которым всегда неймется. Если в театре, где они сейчас трудятся, талант их так тщательно оберегают, что они годами не появляются на сцене, а у соседей можно завтра же начать репетировать интересную роль, они, не задумываясь, покидают самые академические театры ради этой перспективы.

Раневская — одна из немногих, кому, несмотря на все ухищрения режиссуры, удалось сохранить за собой право на индивидуальность. И в выборе ролей, и в их трактовке. С такой актрисой хлопот не меньше, чем радостей. Плохих ролей она играть не хочет и не понимает, зачем их играют другие. Хорошими не делится ни с кем. Если бы ей дали возможность, Раневская играла бы ежедневно, всю жизнь. И уставала бы от этого меньше, чем от вынужденного безделья.

Славу Раневской принесли комедийные роли. Но она в такой же степени актриса драматическая. И даже трагическая. Правда, не в том понимании, какое вкладывали когда-то в это слово поклонники таланта великой Ермоловой. Но ведь и содержание понятий, и форма их с годами изменяются. Сама жизнь подсказывает новые характеры и новые ситуации. Скажем, Васса Железнова появилась в начале XX века. Сперва в действительности, а позже — и у Горького. Разве это не трагический образ?

Конечно, Васса Железнова — не Мария Стюарт. Но ведь и английская королева — не Медя. Следовательно, у нас есть все основания быть уверенными в том, что законы жанров не властны подчинить себе законы жизни.

Раневская встретила с Вассой спустя 20 лет

с того дня, когда она впервые вышла на сцену. За эти годы актриса переиграла самые разные роли: Шарлотту в «Вишневом саде», Ольгу и Наташу в «Трех сестрах», Глафиру Фирсовну в «Последней жертве», Настю в «На дне», леди Мильфорд в «Коварстве и любви», Машу в «Живом труп», Дуньку в «Любови Яровой»...

Но вернемся к Вассе Железновой. С этой женщиной актриса встретила в 1935 году, когда мхатовский режиссер Е. Телешева приступила к репетициям горьковской пьесы в ЦТКА. По свидетельству очевидцев, Раневская выступила одновременно в пяти качествах: прокурора, защитника, судьи, потерпевшего и подсудимого. Среди тех, кто подобным образом оценивал тогда работу актрисы, — Ю. Юзовский, один из самых проницательных исследователей драматургии и театра, узревший в этом дебюте рождение нового, незаурядного таланта.

Васса принесла Раневской всеобщее признание. Казалось, театральная Москва познакомилась с актрисой без ампула, с широчайшим диапазоном. Однако участие Раневской в гусев-

ликатность. Берди, как и Васса, и Роза, — порождение времени, тяжелая улика против него. Трагическое открывается здесь вновь с помощью контрастов: опьянев, Берди вдруг обретает свободу и никого уже больше не боится...

...Прошло почти двадцать лет со дня премьеры «Лисичек». За эти годы Раневская не раз меняла свой адрес в надежде, наконец, получить постоянную театральную прописку. Сравнительно недавно круг, по которому двигалась блуждающая звезда, замкнулся, и Раневская вновь появилась на «моссовском» небосводе. О странностях миссис Сэвидж в конце минувшего сезона было немало разговоров. И то, что героиню пьесы Джона Патрика сравнивали с Берди, вполне закономерно. Есть много общего у них. И прежде всего — любовь к людям. Не к обществу вообще (хотя и к нему), но к тем конкретным человеческим индивидуальностям, с которыми нам приходится сталкиваться ежедневно.

...«Муля, не нервируй меня!» Эта фраза после «Подкидыша» укоренилась в нашем сознании как собственность, принадлежащая Раневской. Отсюда и версия о комическом таланте Фаины Григорьевны, версия, на которую я пытаюсь совершить сегодня покушение. Не следует сердиться на актеров за то, что они не всегда умещаются в прокрустово ложе наших представлений об их искусстве. Лучше радоваться этому.

Разве можно забыть спекулянтку Марию в «Шторме» В. Билль-Белоцерковского или сожигательницу Чудотворца Прасковью в «Изгнании блудного беса» А. Толстого — образы, в которых актриса на каждом представлении была на грани эксцентрики, но никогда не переступала ее. Потому что органичность для Раневской — не ширма и не самоцель. С юношеских лет актриса следила за мастерами правды, не подозревая тогда еще, очевидно, какой ценой она дается. Сегодня Раневская сама учит правде. И не только сценической. Куда больше занимают ее мысли о назначении человека, о смысле его бытия и деяний. И выходя на подмостки, Раневская силой искусства заставляет нас думать вместе с ней. Думать и чувствовать.

Б. ПОЮРОВСКИЙ.

Ф. РАНЕВСКАЯ в спектаклях «Странная миссис Сэвидж», «Мранобесы» и «Дядюшкин сон». Фото В. ПЕТРУСОВОЙ и А. ГЛАДШТЕЙНА.

БЛУЖДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА

ской «Славе» и корнейчукской «Гибели эскадры» не поддержало этого предположения. Раневская на какое-то время оставляет театр и работает только в кино. Правда, исследователи творчества актрисы объясняют этот уход невозможностью совмещать большую занятость на съемках с естественной театральной жизнью. Возможно, в этом утверждении есть доля правды. Тем более, что в эти годы Раневская действительно начинает активно сотрудничать в кино: «Пышка», «Подкидыш», «Золушка», наконец, «Мечта». Роза Скореход, героиня этого фильма, продолжила в творчестве Раневской тему Вассы Железновой. Конечно, это совсем разные женщины. Объединяет их лишь страсть к наживе. Васса — умная, сильная, талантливая. Она предчувствует недоброе. И умирает вовремя. Роза менее удачлива. На ее долю выпало тяжелое испытание: Скореход пережила свое время. Васса — фигура трагическая. Роза — трагикомическая...

...Занятость в кино не уменьшилась, но в Московском театре драмы, который теперь носит имя Вл. Маяковского, появилась отличная роль в пьесе Л. Хеллман «Лисички». Берди — Раневская — новый поворот старой темы. На этот раз актриса обнаружила не свойственные прежде ее палитре краски, нежность, хрупкость, де-